

**Антон Михайлович
МИХАЙЛОВ,**

доцент кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ammihajlov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Понятие и функции юридической доктрины

Аннотация. В статье представлена попытка охарактеризовать юридическую доктрину как особый компонент правовой системы, дана авторская дефиниция юридической доктрины, выделены ее наиболее значимые черты. Аргументируется тезис, что юридическая доктрина осуществляет нормирование профессионального мышления юристов, формирует основу корпоративного правосознания. Автор обращается к изучению культурных оснований юридической доктрины, обосновывает положение о фундированности доктринальных положений в типе культуры. В работе представлен контрастный сравнительный анализ юридической доктрины и юридической науки, позволяющий утверждать, что данные формы правовой мысли не тождественны, решают в юриспруденции разные задачи. В работе анализируется характер доктринального авторитета, который связывается не только с качеством правовых положений, но и с фигурой автора, вследствие чего содержание юридической доктрины не свободно от субъективизма.

Ключевые слова: юридическая доктрина, юридическое мышление, культурные основания доктрины, функции юридической доктрины, юридическая наука, доктринальный авторитет

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.135.11.076-085

Anton M. MIKHAILOV,

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
ammihajlov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Concept and Functions of Legal Doctrine

Abstract. The article presents an attempt to characterize the legal doctrine as a special component of the legal system, provides the author's definition of the legal doctrine, highlights its most significant features. The thesis is argued that the legal doctrine carries out the standardization of professional thinking of lawyers, forms the basis of corporate legal consciousness. The author turns to the study of the cultural foundations of the legal doctrine, justifies the position on the substantiation of doctrinal provisions in the type of culture. The work presents a contrasting comparative analysis of the legal doctrine and legal science, allowing to assert that these forms of legal thought are not identical, as they tackle different tasks in jurisprudence. The work analyzes the nature of doctrinal authority, which is associated not only with the quality of legal provisions, but also with the figure of the author, as a result of which the content of the legal doctrine is not free from subjectivity.

Keywords: *legal doctrine, legal thinking, cultural foundations of doctrine, functions of legal doctrine, legal science, doctrinal authority*

В рамках правовой системы общества юридическая доктрина является особым образованием, поскольку обладает уникальной правовой природой, выполняет незаменимые функции, имеющие интегральное значение для всех аспектов, срезов правовой системы. В современной теории права юридическая доктрина традиционно осмысливается как нетипичный источник права, в учебной теоретико-правовой литературе рассматриваются особенности доктринального правосознания и толкования права.

Вместе с тем юридическая доктрина, являясь специфическим и относительно самостоятельным компонентом любой развитой правовой системы, представляет собой значительно большее, нежели «резервуар» норм права, вид правосознания или интерпретации права. В силу многогранности природы и функций юридической доктрины, ее представленности в различных правовых семьях и традициях данная проблематика входит в предмет общей теории права.

Под юридической доктриной нами понимается определяемый исторической эпохой и типом культуры, формируемый юридическим сообществом (академическими и (или) практикующими юристами, их объединениями) объективированный комплекс правовых положений, принципов, конструкций, понятий, позиций и концепций, нормирующий профессиональное мышление юристов и обеспечивающий функционирование правовой системы.

Юридическая доктрина в своем фундаменте имеет ряд правовых идей, принципов, которые целевым образом формируются корпоративным сообществом юристов и задают рамки отношения носителей профессиональной культуры к явлениям и процессам правовой и социальной действительности. Доктринальные идеи, принципы и понятия формируют горизонт профессионального правосознания юристов, закладывают пределы специально-юридического осмысления правовой действительности. Как парадигма в «нормальной» науке создает и транслирует общепринятые образцы постановки исследовательских задач, способов их решения и предъявления корпоративному сообществу результатов, так и юридическая доктрина создает общий фундамент профессионального правосознания, стандартизирует юридическое мышление.

Юридическая доктрина характеризуется:

во-первых, *профессиональным, корпоративным, специально-юридическим* характером — создается, воспроизводится и развивается благодаря профессиональному сообществу юристов — авторитетным юристам и школам правоведения на основе аналитической работы с правовыми ситуациями и (или) юридическими текстами;

во-вторых, *системным* характером, стремлением осмыслить право во взаимосвязи его норм, конструкций, что находит выражение в систематизациях, классификациях правового материала, выработке юридических принципов, понятий, учений о внутренней организации, толковании, применении права, аргументации правовых решений;

в-третьих, *целевым* характером — разрабатывается для решения значимых для правового регулирования и правовой системы задач;

в-четвертых, *абстрактным* характером, охватом целого класса правовых явлений в их наиболее значимых чертах;

в-пятых, *стабилизирующим* характером, направленным на воспроизводство правовой традиции — оснований профессионального правосознания, несущих для системы права конструкций, юридической практики и институтов, обеспечивающих ее функционирование.

Доктринальные правовые тексты не столько описывают действующее право, сколько предписывают профессиональные стандарты его понимания, адресуются юристам и должностным лицам, обеспечивающим юридические практики, опираются на «институциональный» тип аргументации — используют типичные для корпорации юристов средства обоснования правовых решений¹.

Генеральной функцией юридической доктрины выступает нормирование профессионального мышления и деятельности юристов. Цель доктринальных положений — научить юристов правильному пониманию природы правовых явлений. При этом нормирующую функцию юридической доктрины следует отличать от нормативности права, морали, религии, обычаев и иных социальных норм. Юридическая доктрина нормирует не общественно значимое поведение адресатов, а мышление своего носителя: формирует эпистемологические императивы, нормы и образцы профессионального понимания социокультурных процессов, тем самым унифицирует и консолидирует собственно юридическое восприятие правовой реальности. Так, доктрина судебного прецедента в системах общего права формирует специфический преюдициальный стиль профессионального мышления, императивно определяет подход юристов к анализу фактов рассматриваемой ситуации, изучению и толкованию прецедентного права, выведению *rationes* из состава решений, выстраиванию линий родственных прецедентов и основанной на них аргументации позиции².

Предельным базисом, обеспечивающим нормативную функцию юридической доктрины, выступают религиозные или философские установки, идеи и категории, которые прямо не предъявляются в содержании доктрин³. В отличие от научных теорий, юридические доктрины не направлены на рефлексивное осмысление и рациональное обоснование своих исходных полаганий: в составе доктрин они являются *постулатами*, что обуславливает мировоззренческий, исключительно императивный характер нормирования мышления юристов. Следует согласиться с Ч. Варгой в том, что «ни один результат доктрины не может быть верифицирован или фальсифицирован (подтвержден или опровергнут)»⁴.

¹ Shekaira F. P. Legal Scholarship as a Source of Law. 2nd ed. Springer, 2024. P. 140.

² См., например: Кросс Р. Прецедент в английском праве / под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М., 1985. С. 25—54.

³ См.: Малахов В. П. Типологии права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие : монография. М., 2023. С. 208.

⁴ Варга Ч. Загадка права и правового мышления : Избранные произведения / пер. с англ. и венгр. ; сост. и науч. ред. М. В. Антонова. СПб., 2015. С. 45.

Юридическая доктрина создает наиболее фундаментальный, базисный уровень профессионального правосознания, лежащий в основании мировоззрения юристов, вследствие чего он крайне редко становится предметом рефлексии и проблематизации, скорее, способен быть осмысленным через контрастное сравнение внешним наблюдателем, носителем качественно иного типа правосознания.

Доктринальные принципы, конструкции, концепции задают нормативные основания профессионального правосознания, через нормы профессиональной юридической культуры императивно конфигурируют (организуют) понимание юристами социокультурных процессов. Степень императивности нормирования юридической доктриной профессионального мышления значительно выше императивности большинства социальных норм, поскольку в определенных ситуациях субъект способен к девиантному, нарушающему социальные нормы поведению, но отринуть нормы профессиональной мыслительной деятельности юрист едва ли способен⁵.

Именно поэтому все виды социальных норм обеспечиваются различными мерами институционального и общесоциального принуждения, тогда как доктринальные правовоположения не требуют для реализации подобных мер. Доктринальные принципы и конструкции формируют «канон юридического мышления»⁶, который незримо и постоянно определяет видение правовой действительности, крайне слабо и медленно поддается изменению, на уровне профессионального правосознания способен переживать политические трансформации общества. Так, например, пандектная доктрина германского частного права, усвоенная российскими цивилистами, была положена в основу понятийного аппарата советских гражданских кодексов и успешно пережила революционные идеологические сдвиги правовой системы России в 1920-е гг.⁷

В отличие от юридической науки, разрабатываемая правоведами доктрина опирается на социальные и корпоративные *ценности*, глубоко *интериоризованные* общественным и профессиональным правосознанием. Доктринальные идеи, принципы, конструкции не являются аксиологически нейтральными, выражают особенности определенного типа культуры, к которому принадлежит общество. К культурным основаниям юридической доктрины относятся конституирующие структуры общественного сознания, способы отношения к базовым идеям доминирующей в социуме «картины мира» (мифологический, религиозный, рациональный), категории, через которые осмысливаются основополагающие для общества правовые и политические институты, фундаментальные основания поведения больших социальных групп, крупных общностей в сфере правового регулирования.

Юридическая доктрина всегда сохраняет свою принадлежность определенной культурной традиции, выражает ментальные, исторические, ценностные особенности той или иной правовой семьи, круга, структурной общности правовых

⁵ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 246.

⁶ См.: Иеринг Р. фон. Дух римского права // Избранные труды : в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 28.

⁷ См.: Авенариус М. Римское право в России / пер. с нем. Д. Ю. Полдникова. М., 2008. С. 126.

систем. Соответственно, хотя содержание юридической доктрины разрабатывается интеллектуальной элитой сообщества юристов целевым образом, оно не может быть любым, произвольно, волюнтаристски конструируемым: объективные пределы того, что функционирует в правовой системе общества как юридическая доктрина, закладываются типом культуры и исторической эпохой. Следует согласиться с позицией целого ряда исследователей, связывавших с юридической доктриной преемственное развитие права даже при осуществлении кодификации⁸.

Разительное отличие юридической доктрины от теории права, стремящейся к построению универсальных понятий («общая юриспруденция», «всеобщая теория права»), способных быть положенными в основание правового регулирования в любой правовой системе, состоит в том, что она не может по своей природе являться всеобщей, поскольку не способна выходить за пределы определенного типа правовой культуры, действует в конкретном социокультурном хронотопе.

Функциональность юридической доктрины имеет место только в конкретных историко-культурных рамках, поскольку нормирование мышления осуществляется не вообще, а применительно к определенному его типу (стилю). В. С. Нерсесянц обоснованно указывал: «Та или иная правовая доктрина разрабатывается применительно к конкретной системе действующего права и отражает присущие ей особенности. Отсюда и различия между разными правовыми доктринами, каждая из которых имеет в виду прежде всего трактуемую в ней определенную систему права»⁹.

Аналогичным образом К. Цвайгерт и Х. Кётц рассматривают доминирующую доктрину правовой мысли как один из элементов, обуславливающих стиль каждого правового круга¹⁰. В силу этого юридические доктрины одной правовой традиции не могут быть рецепированы *in complexu* качественно иной правовой семьей, хотя, по всей видимости, отдельные элементы юридических доктрин при определенных социокультурных условиях могут являться правовыми трансплантами.

В пространстве юридической доктрины осуществляется перевод социальных ценностей, идеалов, идей в нормативные установки корпоративного сознания юристов. Юридическая доктрина нацелена на то, чтобы внедрить ценностные структуры общественного сознания в практическую деятельность профессиональных юристов, сделать социальные идеалы и ценности, относящиеся к сфере правового регулирования, неотъемлемой частью всех юридических практик. Однако — в отличие от правовой идеологии — юридическая доктрина задействует правовые идеи, идеалы, ценности не непосредственно, а через корпоративно легитимные формы — правовые принципы, конструкции, понятия, позиции, образцовые казусы, которые позволяют перевести социальные ценности в

⁸ См.: Windscheid B. Die geschichtliche Schule in der Rechtswissenschaft // Gesammelte Reden und Abhandlungen. Herausgegeben von. Paul Oertmann. Leipzig, 1904. S. 76 ; Ehrlich E. Die Juristische Logik. Tübingen, 1918. S. 166 ; Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина. М., 2008. С. 165 ; Келли Д. М. Краткая история западной теории права / пер. с англ. Е. Баженовой. СПб., 2025. С. 309.

⁹ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2002. С. 384.

¹⁰ См.: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. 1 : Основы. С. 23, 56, 58, 69, 96, 108.

функциональную форму, соразмерную профессиональному правосознанию и юридической практике определенной юридической традиции.

Так, англо-американская доктрина верховенства права (*rule of law*) функционирует в правовой системе Англии не в виде комплекса либеральных политико-правовых идей, а как ряд позиций авторитетных юристов и судей, выраженных в *rationes decidendi*¹¹. Отмеченная функция юридической доктрины является жизненно важной для всей правовой системы, поскольку без достаточной идейной связи осуществляющегося в юридических практиках права («право в действии») с общественным сознанием первое неминуемо теряет необходимую социальную легитимность, что приводит к кризису и даже возможному распаду правовой системы.

Исходным основанием профессиональной легитимации содержания юридической доктрины выступает либо традиция, либо цель. Выстраивающиеся на догматическом фундаменте доктрины укрепляют действующую правовую систему, нацелены на упрочнение, легитимацию позитивного права, юридической практики, институтов, воспроизводящих право, в то время как доктрины, осуществляющие «конкретизацию» и проведение правовой идеологии, действуют как правовые проекты, направлены в будущее, на построение новых институтов и иных компонентов состава правовой системы.

Вместе с тем в большинстве правовых систем доктринальные позиции, конструкции, концепции направлены на воспроизводство и устойчивое развитие всего корпуса юридического знания, единой правовой традиции. Ключевым каналом функционирования юридической доктрины здесь является план юридического мышления: «стандартизация» профессионального правосознания обеспечивает относительное когнитивное единство сообщества юристов, закладывает специфику их профессионального правосознания. Через «системообразующие» правовые понятия, принципы, метаконструкции юридическая доктрина формирует профессиональный ракурс понимания социальных явлений и процессов, а само содержание юридической доктрины транслируется авторитетными в общественном сознании субъектами, которыми могут являться как отдельные юристы, так и их объединения — правовые школы, юридические факультеты, исследовательские правовые институты.

Одно из ключевых отличий юридической доктрины от науки права состоит в том, что эти типы осмысления правовой действительности относятся к различным *модальностям*: доктрина — есть форма выражения *должного* в сфере права, содержит нормы и образцы правильного понимания права, за счет них она и осуществляет функцию нормирования профессионального мышления юристов, в то время как юридическая наука по правилам исследовательского метода изучает право как действующий в контексте политических, экономических, культурных процессов общества институт, часть социального *сущего*.

Ведущей целью юридической доктрины является внедрение стандартов понимания правовых явлений в правосознание юристов, тогда как центральной задачей юридической науки является постижение объективных закономерностей

¹¹ См., например: *Bradley A. W., Ewing K. D., Knight C. J. S. Constitutional and Administrative Law*. 16th ed. London : Pearson, 2014. P. 82—85.

и тенденций становления, функционирования, развития действующего права, позволяющих осуществить прогнозирование его будущего состояния.

Если юридическая наука на высоких уровнях абстракции (общетеоретические понятия, конструкции) является относительно автономной от юридической практики, то доктринальные позиции, конструкции, понятия и принципы лишь тогда выполняют свою функцию, когда приведены в вид, способный быть напрямую востребованным практикующими юристами. Юридическая наука не способна сформироваться в правовой системе без развитой системы общих правовых понятий, принятия правоведами исследующей гносеологической установки, рефлексивного отношения к методу исследования, в то время как юридическая доктрина не зависит в процессе своего формирования от данных предпосылок, исторически складывается значительно ранее науки права и в той или иной форме представлена в любой дифференцированной правовой системе.

Юридическая доктрина «расположена» и действует между сферами общественного правосознания, позитивного права и юридической практики. «Легитимность» научного юридического знания зависит от следования парадигмальным принципам и нормам исследовательского метода, в конечном счете определяется коллегами по цеху, в этом смысле носит внутренний характер, тогда как «легитимность» доктринальных правоположений не может ограничиваться корпоративным признанием со стороны сообщества юристов, по меньшей мере требует минимальной степени социального признания. Ссылка на авторитетную позицию определенного юриста или общее мнение правовой школы является оправданным способом аргументации в доктринальном правоведеии, в то время как юридическая наука, ориентирующаяся на гносеологический идеал естествознания, не считает, что такой способ может подтвердить достоверность полученных результатов, быть самостоятельным и достаточным¹².

«Технократический» авторитет содержания или автора юридической доктрины таков, что доктринальные положения (в отличие от научных понятий и теорий) не проверяются на истинность, как и не требуют рациональной аргументации, доказательства обоснованности своих идей, принципов, конструкций. В этом, на наш взгляд, проявляется *иррациональный* характер действия социального авторитета, его способность осуществлять воздействие на адресата и без необходимого обоснования (*авторитарный* стиль юридической доктрины).

Именно поэтому на раннем этапе формирования юридической доктрины позиции знатоков права не подкреплялись рациональной аргументацией, опирались на фигуру автора, а не на качество правового содержания. Уже понтифики в архаическом Риме, давая ответы на правовые вопросы, не приводили рациональных оснований своей позиции¹³. Эту практику продолжили и римские юристы поздней Республики. Неслучайно Сенека вопрошал: «Что, если даже без доказательств имеет силу авторитет сам по себе? Так же как действительны ответы юрисконсультов, хотя разумное основание не приводится»¹⁴.

¹² Подробнее см.: Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология : монография. М., 2022. С. 484—493.

¹³ См.: Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2020. С. 117.

¹⁴ Цит. по: Дождев Д. В. Указ. соч.

Причем авторитет творца доктринального положения зависел не только от его профессиональной компетентности, но и от его религиозного или нравственного авторитета. По свидетельству Цицерона, ответы знатоков права «получали силу от их нравственного авторитета еще более, чем от их ума, хотя именно благодаря своему уму они и стали знамениты»¹⁵. Источником доктринального авторитета на первоначальном этапе эволюции правовых систем выступают экстраюридические, внешние по отношению к праву факторы — древность определенного положения, соответствие принципа или учения доминирующим в общественном сознании идеологемам, аристократический характер корпорации юристов, восприятие автора доктринального положения как обладающего социально ценными качествами — нравственным авторитетом и высоким интеллектом¹⁶.

Учитывая характер воздействия доктринального авторитета, некорректно исключать субъективный фактор из содержания юридической доктрины¹⁷: как в римской, так и в континентально-европейской традиции права авторитет нередко происходил именно от личности творца доктринального положения. Как в классическом римском праве, так и в средневековом *ius commune* авторитет «царя сената мертвых» Папиниана или «идола юрисконсультов» Аккурзия, «светоча права», «кормчего и отца юриспруденции», «князя законодателей» Бартоло автоматически распространялся на все их позиции и труды. В постклассическом римском праве на основе *Lex Allegatoria* 426 г. приоритетом обладало мнение Эмилия Папиниана, а не его отдельные позиции, конструкции, принципы в силу авторитета их содержания. Та или иная позиция, конструкция, принцип приобретали в глазах юристов и политической власти особый авторитет по причине того, что их сформировал именно Папиниан, прозванный современниками *splendissimus* — блистательнейшим.

Подобное отношение к фигуре Бартоло де Сассоферато имело место в ряде европейских государств в XIV—XV столетиях¹⁸. Санкционирование юридической доктрины в средневековых Испании и Португалии осуществлялось не по критерию содержания, а по авторитету основоположника школы комментаторов¹⁹. П. А. Сорокин утверждал, что «та или иная норма обязательна... для четвертых потому, что “такого мнения держится знаменитый юрист” (например, Гай, Брак-тон, Иеринг и др.)»²⁰.

Именно субъективный характер позиций авторитетных юристов породил «доктринальный плюрализм» классического римского правоведения: *prudentes* отвечали «как отдельные лица (*uti singuli*), не смущаясь возможных

¹⁵ Цит. по: Боголепов Н. П. Учебник истории римского права. М., 2015. С. 296—297.

¹⁶ См.: Боголепов Н. П. Указ. соч. С. 294—297.

¹⁷ См., например: Фролова Е. А., Лесив Б. В. Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 32.

¹⁸ См.: Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 93.

¹⁹ См.: Ранненкамф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. М., 1880. С. 114; Муромцев С. А. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. С. 40.

²⁰ Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб., 2009. С. 58.

разногласий — *controversia*»²¹. Спор между римскими юристами являлся следствием того, что на один и тот же правовой вопрос можно было получить *responsa* разных юрисконсультов²². Происхождение авторитета от фигуры конкретного юриста в средневековом праве континентальной Европы ставило проблему согласования противоречий как в каноническом, так и в светском праве, вызвало необходимость формирования сначала метода схоластической диалектики, а затем — института *communis opinio doctorum*²³.

Для английского правоведения юридическая доктрина не существует в отрыве от «авторитетных книг» конкретных английских юристов, их позиций по отдельным правовым вопросам. При использовании *books of authority* в процессе разрешения дел английские и американские судьи указывают имя авторитетного юриста и его конкретный труд²⁴. Авторитетные английские юристы, по справедливому мнению М. В. Антонова, «не вели беспристрастную хронику событий и так или иначе выражали свое мнение о правильности или неправильности того или иного подхода в судебной практике»²⁵. Поэтому нельзя утверждать, что доктринальные позиции, изложенные в английских авторитетных книгах, не содержат момент субъективности.

Таким образом, доктринальный авторитет связывается не только с определенным содержанием — позициями, принципами, конструкциями, учениями и т.п., но и первоначально с его происхождением от высокоавторитетного автора (*персонифицированные* доктрины). Данная черта роднит юридическую доктрину с религиозными догматами, легитимированными на основании сверхъестественного происхождения и опирающимися исключительно на веру²⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авенариус М.* Римское право в России / пер. с нем. Д. Ю. Полдникова. — М., 2008. — 156 с.
2. *Антонов М. В.* Теория государства и права : учебник и практикум для академического бакалавриата. — М., 2018. — 497 с.
3. *Боголепов Н. П.* Учебник истории римского права. — М., 2015. — 568 с.

²¹ *Дождев Д. В.* Указ. соч. С. 115.

²² *Schulz F.* Storia della giurisprudenza romana. Firenze : Sansoni, 1968. S. 101 ; *Кофанов Л. Л.* Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М., 2020. С. 381.

²³ См.: *Schröder J.* Recht als Wissenschaft. Geschichte der juristischen Methodenlehre in der Neuzeit (1500—1933). München, 2012. S. 128—132.

²⁴ См.: *Radin M.* Sources of Law — New and Old // South. Cal. L. Rev. 1928. № 5. P. 417.

²⁵ *Антонов М. В.* Теория государства и права : учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2018. С. 452.

²⁶ См.: *Малахов В. П., Маилан С. С., Сигалов К. Е.* Доктринальное правосознание: характерные черты и тенденции изменений // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 22.

4. *Варга Ч.* Загадка права и правового мышления : Избранные произведения / пер. с англ. и венгр. ; сост. и науч. ред. М. В. Антонова. — СПб., 2015. — 409 с.
5. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. — М., 2009. — 456 с.
6. *Дождев Д. В.* Римское частное право. — М. : Норма, 2020. — 784 с.
7. *Иеринг Р. фон.* Дух римского права // Р. фон Иеринг. Избранные труды : в 2 т. — СПб., 2006. — Т. 2. — 547 с.
8. *Келли Д. М.* Краткая история западной теории права / пер. с англ. Е. Баженовой. — СПб., 2025. — 542 с.
9. *Коркунов Н. М.* История философии права. — СПб., 1908. — 431 с.
10. *Кофанов Л. Л.* Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. — М., 2020. — 600 с.
11. *Кросс Р.* Прецедент в английском праве / под общ. ред. Ф. М. Решетникова. — М., 1985. — 239 с.
12. *Леони Б.* Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина. — М., 2008. — 309 с.
13. *Малахов В. П.* Типологии права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие : монография. — М., 2023. — 471 с.
14. *Малахов В. П., Маляян С. С., Сигалов К. Е.* Доктринальное правосознание: характерные черты и тенденции изменений // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 4 (40). — С. 21—27.
15. *Михайлов А. М.* Юридическая доктрина и правовая идеология : монография. — М., 2022. — 711 с.
16. *Муромцев С. А.* Рецепция римского права на Западе. — М., 1886. — 159 с.
17. *Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства. — М., 2002. — 560 с.
18. *Ранненкампф Н. К.* Очерки юридической энциклопедии. — М., 1880. — 290 с.
19. *Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. — СПб., 2009. — 240 с.
20. *Фролова Е. А., Лесив Б. В.* Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17. — № 1. — С. 4—39.
21. *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — М., 2000. — Т. 1 : Основы. — 480 с.
22. *Bradley A. W., Ewing K. D., Knight C. J. S.* Constitutional and Administrative Law. — 16th ed. — London : Pearson, 2014. — 825 p.
23. *Ehrlich E.* Die Juristische Logik. — Tübingen, 1918. — 337 s.
24. *Radin M.* Sources of Law — New and Old // South. Cal. L. Rev. — 1928. — № 5. — P. 411—421.
25. *Schröder J.* Recht als Wissenschaft. Geschichte der juristischen Methodenlehre in der Neuzeit (1500—1933). — München, 2012. — 506 s.
26. *Schulz F.* Storia della giurisprudenza romana. — Firenze : Sansoni, 1968. — 657 s.
27. *Shekaira F. P.* Legal Scholarship as a Source of Law. — 2nd ed. — Springer, 2024. — 168 p.
28. *Windscheid B.* Die geschichtliche Schule in der Rechtswissenschaft // Gesammelte Reden und Abhandlungen. Herausgegeben von. Paul Oertmann. — Leipzig, 1904. — 472 s.